

УДК 264-912.5

<https://elibrary.ru/ymvvdq>

К ВОПРОСУ О ХРИСТОЛОГИЧЕСКИХ РАСХОЖДЕНИЯХ И ДИАЛОГЕ МЕЖДУ АРМЯНСКОЙ АПОСТОЛЬСКОЙ И ПРАВОСЛАВНЫМИ ЦЕРКВЯМИ: ВЗГЛЯД В ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИНАМИКЕ

**Протоиерей Владимир Александрович
Сергунин**

магистр религиоведения, старший
преподаватель кафедры филологических
и церковно-практических дисциплин
Тамбовской духовной семинарии
392000, Россия, г. Тамбов, ул. М. Горького, д. 3
E-mail: vlaserg@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-6959-5298>

Для цитирования: Сергунин В. А., прот. К вопросу о христологических расхождениях и диалоге между Армянской Апостольской и Православными Церквями: взгляд в исторической динамике. DOI: 10.51216/2687-072X_2026_2_176–194. EDN: YMVVDQ // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2026. № 2 (35). С. 176–194.

Аннотация

В статье проводится комплексный анализ исторических и богословских причин христологических расхождений между Армянской Апостольской и Православной Церквями. Отмечается, что многовековое разделение во многом было обусловлено не столько фундаментальными догматическими противоречиями, сколько совокупностью внешних факторов. Среди них ключевую роль сыграли политическая изоляция Армении в V–VI веках, лингвистические барьеры, затруднившие адекватный перевод богословской терминологии Халкидонского собора, а также недостаток аутентичной информации о подлинном содержании его решений, приведший к их искажённой рецепции.

Центральное место в исследовании занимает анализ христологии Армянской Апостольской Церкви на примере трудов католикоса Нерсеса IV Шнорали (XII в.). При детальном рассмотрении его богословской системы

в статье отмечается, что исповедуемое Армянской Церковью миафизитство, восходящее к христологии святителя Кирилла Александрийского, в целом ортодоксально. Оно утверждает неслиянное и нераздельное единство двух природ во Христе, решительно отвергая как несторианский дуализм, так и евтихианское монофизитство, что свидетельствует о его близости к православной христологии при терминологическом своеобразии. В контексте исследования также рассматриваются литургические традиции Армянской Церкви, демонстрирующие её уникальный исторический путь и синтез различных христианских влияний, что дополняет общую картину её своеобразия.

В работе также прослежена эволюция межцерковного диалога в Новейшее время (XX–XXI вв.). Показано, как в рамках официальных богословских встреч второй половины XX века стороны пришли к взаимному пониманию и сближению позиций. Данные шаги позволили перевести диалог из плоскости исторических претензий в конструктивное русло совместного изучения различных способов выражения единой веры и практического сотрудничества.

Ключевые слова: Армянская Церковь; Православная Церковь; Халкидонский собор; миафизитство; христология; литургика; межцерковный диалог.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование: данное исследование не получало внешнего финансирования.

Введение

Актуальность исследования обусловлена возрастающим значением межхристианского диалога в условиях глобализации и секуляризации современного общества. Особый интерес в этом контексте представляет взаимодействие между Армянской Апостольской и Православными Церквями, имеющими многовековую историю расхождений, связанных прежде всего с интерпретацией решений Халкидонского собора [Августин (Никитин), 2019, с. 329–333; Мирумян, 2023, с. 36–45].

Традиционная оценка Армянской Церкви в православной историографии как монофизитской на протяжении длительного време-

ни определяла характер межцерковного восприятия. Однако современные исследования свидетельствуют о более сложной природе этих расхождений, указывая на значительную роль исторических, политических и культурно-языковых факторов в формировании конфликта [Мирумян, 2023, с. 36–39].

Проблема исследования связана с возможностью переосмысления христологических различий между Армянской Апостольской и Православной Церквями с учётом исторической динамики их формирования и развития. Центральным остаётся вопрос о том, носили ли данные расхождения принципиально догматический характер или же были во многом обусловлены особенностями рецепции и терминологического выражения единого христианского вероучения [Мирумян, 2023, с. 50–59; Тачмизян, Аревшатыан, 2018, с. 53–65].

Методологическую основу исследования составляют историко-сравнительный и текстологический анализы, позволяющие сопоставить богословские формулировки различных традиций и выявить их смысловое содержание в контексте конкретных исторических условий. В работе используются как классические исследования по истории Церкви и догматическому богословию, так и современные научные публикации, посвящённые проблеме православно-дохалкидонского диалога [Мирумян, 2023, с. 36–63; Тачмизян, Аревшатыан, 2018, с. 53–65].

Цель исследования заключается в рассмотрении христологических расхождений между Армянской Апостольской и Православной Церквями в исторической перспективе и выявлении возможностей их преодоления в рамках богословского диалога XX–XXI веков. Данной цели соответствуют следующие задачи:

1. Проанализировать историко-политические и культурные факторы, повлиявшие на формирование дохалкидонской позиции Армянской Церкви.
2. Исследовать христологические взгляды Нерсеса Шнорали как попытку богословского согласования различных традиций.
3. Рассмотреть содержание миафизитской доктрины и её соотношение с православной христологией, а также рассмотреть литургические традиции, сформировавшиеся в результате синтеза разных христианских влияний.
4. Проанализировать основные этапы и результаты современного межцерковного диалога.

Историко-политические причины разрыва (V–VI вв.)

Формирование дохалкидонской позиции Армянской Апостольской Церкви не может быть объяснено исключительно богословскими причинами. Исторический контекст V–VI веков показывает, что существенную роль сыграл комплекс внешних факторов: военно-политическое положение Армении, прерывание церковной коммуникации, лингвистические трудности и особенности восприятия решений Халкидонского собора в армянской среде [Августин (Никитин), 2019, с. 329–333; Мирумян, 2023, с. 38–42].

В середине V века Армения находилась в сложном геополитическом положении, будучи зоной соприкосновения Восточной Римской и Сасанидской Персидской империй. После раздела Великой Армении в 387 году и ликвидации армянской государственности в 428 году значительная часть страны оказалась под властью Персии, что существенно ограничило политическую и церковную самостоятельность армян. В период работы Халкидонского собора 451 года армянское общество было сосредоточено на борьбе за сохранение своей религиозной идентичности в условиях давления Сасанидской державы, стремившейся к насаждению зороастризма. Кульминацией этого противостояния стало восстание под предводительством Вардана Мамиконяна, что делало полноценное участие представителей Армянской Церкви в общеимперском Халкидонском соборе практически невозможным [Августин (Никитин), 2019, с. 331–332; Мирумян, 2023, с. 39–40].

Следовательно, первоначальное непринятие решений Халкидонского собора было связано не с заранее сформулированной дохалкидонской программой, а прежде всего с фактическим отсутствием Армянской Церкви в процессе обсуждения и принятия соборных определений. Разрыв на раннем этапе носил характер прерывания церковно-политических связей, а не осознанного догматического противопоставления.

Дополнительным осложняющим обстоятельством стали трудности терминологического характера. Христологические формулы Халкидонского ороса требовали точного различения понятий «природа» и «ипостась», однако в армянской богословской традиции того времени соответствующий понятийный аппарат ещё на-

ходилась в стадии формирования. Перевод греческих богословских категорий на армянский язык сталкивался с объективными трудностями, поскольку существующие языковые средства не всегда позволяли адекватно передать тонкие смысловые различия [Мирумян, 2023, с. 41–42; Нелюбов, 1999, с. 330–331].

С этим был связан и более широкий коммуникативный разрыв. Армянская сторона воспринимала решения Халкидонского собора не непосредственно, а через уже сложившуюся полемическую традицию восточных провинций, где халкидонское учение нередко истолковывалось как близкое к несторианству [Августин (Никитин), 2019, с. 332–333; Мирумян, 2023, с. 42–45]. В условиях противостояния с Сасанидской Персией этот фактор приобретал особое значение: несторианство, получившее распространение в пределах Персии после Эфесского собора 431 года, воспринималось армянской средой не только как богословская, но и как политико-культурная угроза.

Именно поэтому халкидонские формулы, если они прочитывались как допускающие разделение во Христе, неизбежно оказывались отторгнутыми, независимо от их действительного содержания. Неприятие Халкидонского ороса было связано не только с самим текстом соборного определения, но и с тем, как оно было истолковано и воспринято в армянской церковной среде.

Закрепление дохалкидонской позиции происходило постепенно и получило выражение в решениях армянских церковных соборов, прежде всего Двинских соборов VI века [Августин (Никитин), 2019, с. 333; Мирумян, 2023, с. 45–47]. Поэтому ранний этап разделения между Армянской Апостольской и Православной Церквями следует рассматривать не как одномоментный разрыв, а как процесс, обусловленный сочетанием политической изоляции, ослабления церковных связей, терминологических трудностей и специфики рецепции богословских формул. Такое понимание согласуется с более широким контекстом позднеантичной христологической полемики. Как отмечал В. В. Болотов, восточные христологические споры развивались в тесной связи с церковно-политическими процессами поздней Римской империи, что влияло как на рецепцию соборных решений, так и на формирование локальных церковных традиций [Болотов, 1994, с. 281–286].

Таким образом, первоначальный конфликт предстаёт не как сознательное и принципиальное отвержение одной из сторон, а как

исторически обусловленное расхождение, возникшее в условиях ограниченной коммуникации, внешнего политического давления и языковых факторов, повлиявших на перевод богословских категорий. Именно эта перспектива становится важной предпосылкой для дальнейшего анализа христологических различий и их оценки в контексте современного межцерковного диалога.

Христология Нерсеса Шнорали

Особое значение для понимания христологической позиции Армянской Апостольской Церкви имеет богословское наследие католикоса Нерсеса IV Шнорали (1102–1173). Его труды представляют собой одну из наиболее последовательных попыток осмыслить армянскую христологию в контексте византийской традиции. В отличие от ранних полемических текстов, сочинения Нерсеса Шнорали ориентированы не только на защиту своей позиции, но и на поиск точек соприкосновения и устранение взаимных недоразумений [Тачмизян, Аревшатян, 2018, с. 53–60; Блохин, 2015, с. 132].

Исторический контекст его деятельности связан с активизацией контактов между Армянской Церковью и Византией в XII веке, особенно в условиях существования Киликийского армянского государства. Политическая заинтересованность в сближении сопровождалась богословскими инициативами, направленными на преодоление многовекового разделения. В этом контексте Нерсес Шнорали выступает не только как богослов, но и как церковный дипломат, стремящийся к согласованию позиций без утраты армянской церковной идентичности.

Одной из ключевых задач Шнорали было преодоление устойчивого отождествления армянской христологии с евтихианским монофизитством. Он последовательно отвергал представление о смешении или поглощении человеческой природы Христа Божественной: воплощение Бога Слова означало для него реальное соединение Божества и человечества при сохранении полноты обеих природ [Тачмизян, Аревшатян, 2018, с. 60–61]. Одновременно Шнорали дистанцировался и от несторианской позиции, подчёркивая, что Христос не может быть разделён на два самостоятельных субъекта или две ипостаси.

Принципиально важным является то, как Нерсес Шнорали интерпретировал различие между богословскими формулами. Он исходил из того, что выражения, акцентирующие единство или различие природ во Христе, не обязательно являются взаимоисключающими: их смысл определяется тем, против какой крайности они направлены. Формулы, подчёркивающие единство, защищают от несторианского разделения, тогда как формулы, подчёркивающие различие, направлены против еutihianского смешения [Тачмизян, Аревшатын, 2018, с. 60–62]. Такой подход переносит акцент с внешнего противопоставления формул на анализ их догматического содержания. В этом контексте разница между армянской и византийской традициями видится не в вере, а в богословских акцентах и языковых особенностях. Особое значение имеет вопрос о соотношении природы и ипостаси: у Шнорали единство во Христе понимается как ипостасное единство, то есть соединение Божества и человечества в едином Лице Бога Слова без слияния и без разделения. С этим связано и признание Пресвятой Девы Марии Богородицей, имеющее принципиальное значение для его христологии. Данное исповедание направлено против несторианского разделения и подтверждает единство Лица Христа. Тем самым богословие Шнорали обнаруживает близость к основным интенциям кирилловской христологии и к одному из ключевых догматических положений, принятых на Эфесском соборе в 431 году.

Методологически позицию Шнорали можно охарактеризовать как различие вероучительного содержания и формы его словесного выражения. Одна и та же христологическая истина может быть выражена различными формулами, если при этом сохраняется основное христианское исповедание – признание Христа истинным Богом и истинным Человеком. Поэтому терминологические различия не обязательно предполагают непреодолимое догматическое противоречие, а просто требуют точного истолкования.

В русской церковно-исторической науке XIX века интерес к богословию Нерсеса Шнорали был связан прежде всего с вопросом о возможности сближения Армянской Церкви с Православием. И. Е. Троицкий, анализируя «Изложение веры» Нерсеса, обращал внимание на то, что его христологические формулы направлены прежде всего на защиту единства Лица Христа и не содержат признаков еutihianского смешения природ [Троицкий, 1875, с. 145–152].

Итак, Нерсес Шнорали выступает как переходная и в высшей степени показательная фигура в истории армянской христологической мысли. Его богословие свидетельствует, что уже в XII веке в армянской традиции существовало осознанное стремление различать сущностный и терминологический уровни вероучения. Именно эта линия позднее стала одной из важных предпосылок современного межцерковного диалога.

Рум-Кальский собор 1179 года как продолжение объединительной линии

Дополнительное значение для оценки богословской линии Нерсеса Шнорали имеет Рум-Кальский собор 1179 года. Хотя он не привёл к восстановлению церковного единства, сам факт соборного обсуждения христологических вопросов показывает, что предложенный Шнорали способ осмысления разногласий не остался только его личной богословской инициативой, а был включён в более широкий процесс церковного поиска формулы, соединяющей верность армянской традиции с возможностью диалога с православным богословием [Мирумьян, 2023, с. 58–60; Тачмизян, Аревшатыан, 2018, с. 62–64].

Значение Рум-Кальского собора заключалось прежде всего в стремлении армянской церковной среды конца XII века точнее разграничить собственную позицию от крайностей несторианства и евтихианства [Мирумьян, 2023, с. 59–61]. В этом отношении собор может рассматриваться как звено между богословской деятельностью Нерсеса Шнорали и более поздними попытками общецерковного осмысления армянской христологии. Опубликованные в XIX веке памятники армянского вероучения XII столетия также показывают, что армянская богословская мысль этого периода стремилась к уточнению собственного христологического языка и его сопоставлению с византийской традицией [Исторические памятники..., 1847, с. 112–118].

На основании изложенного можно заключить, что Рум-Кальский собор свидетельствует о том, что армянская христологическая традиция в зрелом Средневековье не была замкнутой системой, неспособной к внутреннему богословскому различению. Напротив, уже в XII веке в ней существовали ресурсы для переосмысления разно-

гласий, что позволяет рассматривать современный межцерковный диалог как продолжение более ранних тенденций армянской церковной истории.

Миафизитство как богословская модель

Христологическая традиция Армянской Апостольской Церкви в современной научной литературе обычно характеризуется как миафизитская. Использование данного термина имеет принципиальное значение, поскольку позволяет избежать неточного и во многом устаревшего отождествления армянского вероучения с монофизитством евтихианского типа, распространённого в полемической традиции прошлого [Августин (Никитин), 2019, с. 334–336; Мирумян, 2023, с. 50–53]. Введение термина «миафизитство» отражает стремление исследователей более точно описать богословскую позицию Древневосточных Церквей, в том числе Армянской, с учетом их исторического и патристического оснований.

В основе миафизитской христологии лежит богословская традиция, восходящая к святителю Кириллу Александрийскому. Центральным для неё является выражение «единая природа Бога Слова воплощённого» (μία φύσις τοῦ Θεοῦ Λόγου σεσαρκωμένη), которое в кирилловском контексте направлено не на отрицание различия природ, а на утверждение их нераздельного единства во Христе. Важно подчеркнуть, что в патристическом употреблении данная формула не предполагает ни смешения, ни поглощения человеческой природы Божественной, но выражает мысль о том, что после воплощения речь идет об одном и том же Лице Бога Слова, воспринявшего человеческую природу [Мирумян, 2023, с. 51–53].

Итак, миафизитство в своем подлинном богословском смысле не является отрицанием полноты человечества Христа. Напротив, оно предполагает, что Христос есть истинный Бог и истинный Человек, при этом обе природы соединены в Нем нераздельно и неслиянно. Различие между природами сохраняется, однако оно мыслится не как основание для разделения субъекта, а как характеристика единого Богочеловека. Именно поэтому в рамках миафизитской модели единство во Христе понимается прежде всего как ипостасное единство.

В этом отношении миафизитская традиция Армянской Церкви направлена одновременно против двух противоположных богословских

крайностей. С одной стороны, она отвергает несторианский дуализм, предполагающий фактическое разделение Христа на два субъекта или две ипостаси. С другой стороны, она столь же последовательно отвергает еutihianское монофизитство, в котором человеческая природа рассматривается как поглощённая или растворённая в Божественной. Таким образом, миафизитство не является некой промежуточной или компромиссной позицией. Его следует понимать как самостоятельную богословскую модель, стремящуюся сохранить полноту христианского учения о Христе [Мирумян, 2023, с. 53–56].

Ключевым для понимания данной модели является вопрос о соотношении природы и ипостаси. В византийской традиции, закреплённой в формулировках Халкидонского собора, акцент делается на различении двух природ «неслитно, неизменно, нераздельно и неразлучно» в едином Лице Христа. В армянской же традиции, следуя кирилловской линии, акцент переносится на единство Лица, в котором эти природы соединены. Однако при внимательном анализе становится очевидно, что речь идёт не о взаимоисключающих утверждениях, а о различных способах выражения одной и той же догматической реальности.

Дополнительное значение имеет и то, что в армянской традиции термин «природа» в ряде случаев употребляется в значении, близком к понятию «ипостась», что также создаёт почву для недоразумений при сопоставлении с греческой терминологией. Лингвистические особенности, уже отмеченные в начале статьи, приобретают непосредственное богословское значение: различие языков и понятийных систем затрудняет адекватное восприятие формул другой традиции и способствует закреплению взаимных подозрений.

В этой связи становится понятным, почему в современной научной и богословской литературе предпринимаются попытки переосмысления термина «монофизитство» применительно к Армянской Церкви. Более точным признаётся термин «миафизитство», который указывает на единство природы воплощённого Слова, не отрицая при этом реальности и полноты Его Человечества. Такое уточнение позволяет избежать грубых обобщений, способствует более корректному описанию армянской христологической позиции и позволяет перейти от конфронтационной модели к аналитической, в которой основной задачей становится выявление реального содержания вероучения за различными формулами.

Из вышесказанного следует, что миафизитство Армянской Апостольской Церкви может быть охарактеризовано как богословская модель, восходящая к традиции святителя Кирилла Александрийского и направленная на утверждение ипостасного единства Божочеловека при сохранении полноты Его Божества и человечества. Различие между этой моделью и халкидонской диофизитской формулой во многом связано с историческими условиями их формирования и особенностями богословского языка. Осознание этого обстоятельства является одним из ключевых результатов современного богословского анализа и служит важной предпосылкой для дальнейшего межцерковного диалога.

Литургические и церковные особенности Армянской Апостольской Церкви

Литургическая традиция Армянской Апостольской Церкви формировалась на протяжении длительного исторического периода и представляет собой результат взаимодействия различных христианских традиций. Географическое положение Армении на перекрестке культурных и церковных влияний обусловило восприятие элементов греческой, сирийской, иерусалимской, а позднее – византийской и латинской богослужебных практик. При этом речь шла не о механическом заимствовании, а о переработке различных влияний в рамках собственной церковной традиции. В результате армянский обряд сложился как целостная литургическая система, отражающая исторический путь и культурную самобытность Армянской Церкви [Желтов, Никитин, 2009, с. 356–364].

Центральное место в богослужебной жизни Армянской Апостольской Церкви занимает Божественная литургия. Исторически она восходит к древним восточным образцам, однако в современном виде закрепились литургия, известная как чин святителя Афанасия Великого, окончательно оформившаяся в средневековый период [Желтов, Никитин, 2009, с. 364–368]. Евхаристическая практика Армянской Церкви имеет ряд особенностей: использование неразбавленного вина, совершение литургии на одной просфоре, отсутствие обычая сослужения нескольких пресвитеров, а также причащение мирян под двумя видами [Желтов, Никитин, 2009, с. 368–372]. Эти черты не затрагивают догматического содержания

Евхаристии, показывая исторически сложившуюся литургическую дисциплину.

Важную роль в армянском богослужении играет древнеармянский язык – грабар. Он выполняет не только литургическую, но и культурно-идентификационную функцию, обеспечивая преемственность церковной традиции. Особую выразительность армянскому обряду придают также характерные богослужебные предметы и музыкальные элементы, включая рипиды и ударные инструменты [Нелюбов, 1999, с. 330–332].

Календарная система Армянской Апостольской Церкви также имеет ряд особенностей. Церковный год начинается 1 декабря, а центральное место в календарном цикле занимает Пасха, вокруг которой выстраивается система подвижных праздников [Желтов, Никитин, 2009, с. 372–374]. Среди неподвижных праздников особое значение имеет объединённое празднование Рождества Христова и Богоявления 6 января, восходящее к древней общехристианской традиции. Система постов, включающая Великий пост, краткие постные периоды, регулярные постные дни и Передовой пост¹, свидетельствует о сформировавшейся аскетической культуре Армянской Церкви [Желтов, Никитин, 2009, с. 372–374].

В области сакраментологии Армянская Апостольская Церковь сохраняет общехристианскую основу, но имеет и некоторые особенности. В армянской традиции обычно выделяется шесть таинств: Крещение, Миропомазание, Евхаристия, Покаяние, Священство и Брак [Нелюбов, 1999, с. 332–334]. При этом вопрос о числе таинств не имеет строгой догматической фиксации и рассматривается в рамках богословской традиции. Особое место занимает «матах» – благодарственное или поминальное пожертвование, в рамках которого принесённое животное раздаётся нуждающимся. Этот обычай показывает, каким образом церковная традиция перерабатывала локальные культурные формы и включала их в систему христианской жизни.

Церковное управление в Армянской Апостольской Церкви сосредоточено в руках католикоса, обладающего высшей духовной

¹ Передовой пост (Араджаворац, в современном произношении – «арачаворк») – уникальный 5-дневный пост в Армянской Апостольской Церкви, начинающийся за 3 недели до Великого поста (обычно в конце января – начале февраля). Установленный св. Григорием Просветителем, он символизирует покаяние царя Трдата и народа перед крещением. Название поста означает «первый», то есть первый пост в календарном году. – *прим. авт.*

властью и правом поставления епископов [Августин (Никитин), 2019, с. 348–352]. Внутренняя структура Церкви сочетает древне-церковные формы с особенностями армянского исторического развития. Существенное значение имеет институт вардапетов, подчёркивающий связь богословского знания с пастырским служением. Монашеская традиция ААЦ также имеет глубокие корни: в средневековый период монастыри становились центрами духовной жизни, образования и письменности.

Итак, литургическая и церковная практики Армянской Апостольской Церкви представляют собой многослойную систему, сформировавшуюся в результате длительного исторического развития. Её особенности отражают не догматическую изоляцию, а специфику исторического пути и формы выражения единой христианской веры.

Межцерковный диалог XX–XXI вв.

Качественно новый этап в отношениях между Православными и Древневосточными Церквями начался во второй половине XX века. Его возникновение было связано как с изменением международной и церковной ситуации после Второй мировой войны, так и с развитием экуменического движения, создавшего условия для регулярного богословского общения представителей различных христианских традиций [Августин (Никитин), 2019, с. 350–352].

Первоначальный этап диалога носил преимущественно подготовительный характер. В ходе неофициальных встреч богословы стремились уточнить содержание христологических расхождений и прояснить терминологические различия. Уже на этом этапе стало очевидно, что многие традиционные обвинения основывались не только на догматических противоречиях, но и на особенностях исторической рецепции богословских формул [Мирумьян, 2023, с. 57–58].

Переход к официальному этапу сопровождался созданием совместных богословских комиссий. Существенным шагом стало Женевское коммюнике 1985 года, обозначившее стремление сторон к преодолению многовекового разделения². В последующих

² Geneva Communiqué of the Joint Commission of the Theological Dialogue between the Orthodox Church and the Oriental Orthodox Churches. Geneva, 1985. URL: <https://orthodoxjointcommission.wordpress.com/2013/12/14/geneva-1985/> (дата обращения: 07.05.2026).

согласованных документах стороны подтвердили, что исповедуют одного и того же Господа Иисуса Христа – совершенного Бога и совершенного Человека [Мирумян, 2023, с. 58–60].

Особое значение для преодоления исторических разногласий имели христологические заявления Совместной комиссии 1989³ и 1990⁴ годов. Православные Церкви засвидетельствовали, что использование Древневосточными Церквями формулы «единая природа Бога Слова воплощенная» не подразумевает евтихианского монофизитства. В свою очередь, Древневосточные Церкви признали, что халкидонская формула «двух природ» не ведёт к несторианскому разделению, поскольку различие природ понимается «лишь в умозрении» (греч. τῆ θεωρίᾳ μόνῃ, лат. sola contemplatione), а не как реальное ипостасное разделение. В итоге были сняты основные взаимные обвинения, определявшие характер межцерковной полемики на протяжении столетий [Мирумян, 2023, с. 59–61]. Однако необходим более детальный диалог, который продолжается между Церквями в настоящее время.

Результаты диалога показали, что существенная часть расхождений была связана с различием терминологии и богословских акцентов при сохранении общего христологического содержания. В этом отношении современный диалог во многом продолжил ту линию, которая ранее проявлялась в богословии Нерсеса Шнорали, стремившегося к согласованию различных способов выражения христианской веры.

Современные исследователи отмечают, что достигнутое богословское сближение ещё не привело к восстановлению евхаристического общения, однако создало основу для дальнейшего межцерковного взаимодействия [Сергунин, 2023, с. 119]. Диалог между Православными и Древневосточными Церквями продолжает развиваться, включая не только христологические вопросы, но и более широкий круг проблем церковной жизни.

³ First Agreed Statement of the Joint Commission of the Theological Dialogue between the Orthodox Church and the Oriental Orthodox Churches. Anba Bishoy Monastery, Egypt, 1989. URL: <https://orthodoxjointcommission.wordpress.com/2013/12/14/first-agreed-statement-1989/> (дата обращения: 07.05.2026).

⁴ Second Agreed Statement and Recommendations to the Churches of the Joint Commission of the Theological Dialogue between the Orthodox Church and the Oriental Orthodox Churches. Chambésy, Switzerland, 1990. URL: <https://orthodoxjointcommission.wordpress.com/2013/12/14/second-agreed-statement-1990/> (дата обращения: 07.05.2026).

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что христологические расхождения между Армянской Апостольской и Православной Церквями сформировались под влиянием сложного комплекса факторов, включающего не только богословские, но и историко-политические, культурные и языковые обстоятельства. В частности, отсутствие участия Армянской Церкви в Халкидонском соборе, а также особенности последующей рецепции его решений сыграли значительную роль в формировании устойчивых различий.

Анализ христологической традиции Армянской Церкви, особенно на примере богословия Нерсеса Шнорали, показывает, что армянская позиция не сводится к евтихианскому монофизитству, а представляет собой самостоятельную богословскую систему, направленную на утверждение реального единства Богочеловека при сохранении полноты обеих природ. Это позволяет говорить о близости армянской и православной христологии при различии терминологических формулировок.

Исследование миафизитской доктрины подтверждает, что различия между армянской и византийской традициями во многом связаны с различием богословских акцентов и способов выражения, а не с принципиальным расхождением в содержании веры. Данное обстоятельство имеет принципиальное значение для оценки исторического конфликта и его современного осмысления.

Результаты анализа современного этапа межцерковного диалога свидетельствуют о значительном сближении позиций. В ходе официальных богословских встреч второй половины XX века было достигнуто взаимное уточнение христологических формулировок, позволившее снять основные исторические обвинения и выявить общность в исповедании Христа. Это создало предпосылки для перехода от конфронтационной модели отношений к сотрудничеству и совместному богословскому осмыслению.

Список литературы

1. *Августин (Никитин), архим.* Армянская Апостольская Церковь // Православная энциклопедия : в 75 т. Москва : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2019. Т. 37. С. 329–355.

2. *Блохин В. С.* Отражение богословских вопросов армянской церкви в русскоязычной научной и публицистической литературе XIX – начала XX в. как основа межцерковного диалога // Вестник Уральского государственного университета путей сообщения. 2015. № 4 (28). С. 130–140.

3. *Болотов В. В.* Лекции по истории Древней Церкви. В 4 т. Т. 4. История Церкви в период Вселенских соборов. Москва : Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1994. 600 с.

4. *Желтов М. С., Никитин С. И.* Армянский обряд // Православная энциклопедия : в 75 т. Москва : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2009. Т. 3. С. 356–374.

5. Исторические памятники вероучения Армянской Церкви, относящиеся к XII столетию / пер. с армянского А. Худобащева. Санкт-Петербург : Типография Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1847. 295 с.

6. *Мирумян Р. А.* Армянская Апостольская Святая церковь в контексте решений Халкидонского собора. DOI: 10.24412/2587-9316-2023-00120 // Христианство на Ближнем Востоке. 2023. Т. 7, № 2. С. 36–63.

7. *Нелюбов Б. А.* Древние Восточные Церкви. V. Армянская Церковь // Альфа и Омега. 1999. № 2 (20). С. 308–339.

8. *Сергунин В. А.* Краткий обзор истории и современного состояния Древних Восточных (Нехалкидонских) Церквей // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2023. № 3 (24). С. 118–129.

9. *Тачмизян Н. К., Аревшатян А. С.* Нерсес Шнорали // Православная энциклопедия : в 75 т. Москва : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2018. Т. 49. С. 53–65.

10. *Троицкий И. Е.* Изложение веры Церкви Армянской, начертанное Нерсесом, католикосом армянским, по требованию боголюбивого государя греков Мануила : историко-догматическое исследование в связи с вопросом о воссоединении Армянской Церкви с Православной. Санкт-Петербург : Тип. Ф. Г. Елеонского и А. И. Поповицкого, 1875. X, 340 с.

Статья поступила в редакцию 19.03.2026.

Статья принята к публикации 11.05.2026.

UDC 264-912.5

**ON THE CHRISTOLOGICAL DIFFERENCES
AND DIALOGUE BETWEEN THE
ARMENIAN APOSTOLIC AND ORTHODOX
CHURCHES: A HISTORICAL PERSPECTIVE**

Vladimir Sergunin, Archpriest

Master of Religious Studies, Senior Lecturer
Department of Philological and Church-
Practical Disciplines

Tambov Theological Seminary

392000, Russia, Tambov, M. Gorkogo Srteet, 3

E-mail: vlaserg@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-6959-5298>

For citation: Sergunin V. A., archpriest On the Christological differences and dialogue between the Armenian Apostolic and Orthodox Churches: a historical Perspective. DOI: 10.51216/2687-072X_2026_2_176–194. EDN: YMVVDQ // Theological Collection of Tambov Theological Seminary 2026, no. 2 (35), pp. 176–194. (In Russian).

Abstract

This article provides a comprehensive analysis of the historical and theological causes of the Christological differences between the Armenian Apostolic and Orthodox Churches. It is noted that the centuries-long division was largely due not so much to fundamental dogmatic contradictions as to a complex set of external factors. Among these, key factors included Armenia's political isolation in the 5th and 6th centuries, linguistic barriers that hampered the adequate translation of the Council of Chalcedon's subtle theological terminology, and a lack of information that led to a distorted reception of its decisions.

A central focus of the study is an analysis of the Christology of the Armenian Apostolic Church, using the works of Catholicos Nerses IV Shnorhali (12th century) as an example. Through a detailed examination of his theological system, the article notes that the Miaphysitism professed by the Armenian Apostolic Church, which derives from the Christology of St. Cyril of Alexandria, is essentially Orthodox. It affirms the unmerged and indivisible unity of the two natures in Christ, decisively rejecting both Nestorian dualism and Eutychian Monophysitism, which testifies to its essential unity with Orthodox Christology, despite its terminological distinctiveness. The article also briefly considers the liturgical traditions of the Armenian Church as an important expression of its historical and ecclesial identity.

The work also traces the evolution of inter-church dialogue in modern times (20th–21st centuries). It shows how, within the framework of official theological meetings resumed in 1961, the parties reached a mutual understanding and a rapprochement of positions. This was expressed in the Orthodox Churches' recognition of the inadmissibility of equating the Chalcedonian

Horos with Nestorianism, and on the part of the Armenian Church, in a clear rejection of Eutychianism. These steps made it possible to shift the dialogue from the realm of historical grievances to a constructive focus on the joint study of various ways of expressing a common faith and practical cooperation.

Keywords: Armenian Church; Orthodox Church; liturgics; Council of Chalcedon; Miaphysitism; Christology; inter-church dialogue.

Conflict of interest: The author declares no conflict of interest.

Funding: This study did not receive external funding.

References

1. Avgustin (Nikitin), Archimandrite Armyanskaya Apostol'skaya Tserkov' [The Armenian Apostolic Church]. *Pravoslavnaya entsiklopediya [Orthodox Encyclopedia]*. Moscow, Tserkovno-nauchnyy tsentr «Pravoslavnaya entsiklopediya» Publ., 2019, vol. 37, pp. 329–355. (In Russian).
2. Blokhin V. S. Otrazhenie bogoslovskikh voprosov armyanskoy tserkvi v russkoyazychnoy nauchnoy i publitsisticheskoy literature XIX – nachala XX vv. kak osnova mezhtserkovnogo dialoga [Reflection of theological issues of the Armenian Church in Russian-Language scientific and publicistic literature of the 19th – early 20th centuries as a basis for interchurch dialogue]. *Vestnik Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta putey soobshcheniya [Bulletin of the Ural State University of Railway Transport]*, 2015, no. 4 (28), pp. 130–140. (In Russian).
3. Bolotov V. V. Lektsii po istorii Drevney Tserkvi. [Lectures on the History of the Ancient Church.]. Moscow, Spaso-Preobrazhenskiy Valaamskiy monastyr' Publ., 1994, vol. 4, Church History in the Period of the Ecumenical Councils, 600 p. (In Russian).
4. Zheltov M. S., Nikitin S. I. Armyanskiy obryad [Armenian Rite]. *Pravoslavnaya entsiklopediya [Orthodox Encyclopedia]*. Moscow, Tserkovno-nauchnyy tsentr «Pravoslavnaya entsiklopediya» Publ., 2009, vol. 3, pp. 356–374. (In Russian).
5. Istoricheskie pamyatniki veroucheniya Armyanskoy Tserkvi, otnosyashchiesya k XII stoletiyu [Historical monuments of the doctrine of the Armenian Church relating to the 12th century]. Saint Petersburg, Tipografiya Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii Publ., 1847, 295 p. (In Russian).
6. Mirumyan R. A. Armyanskaya Apostol'skaya Svyataya tserkov' v kontekste resheniy Khalkidonskogo sobora [The Armenian Apostolic Holy Church

in the context of the decisions of the Council of Chalcedon]. *Khristianstvo na Blizhnem Vostoke* [Christianity in the Middle East], 2023, vol. 7, no. 2, pp. 36–63. DOI: 10.24412/2587-9316-2023-00120. (In Russian).

7. Nelyubov B. A. Drevnie Vostochnye Tserkvi. V. Armyanskaya Tserkov' [Ancient Oriental Churches. V. The Armenian Church]. *Al'fa i Omega* [Alpha and Omega], 1999, no. 2 (20), pp. 308–339. (In Russian).

8. Sergunin V. A. Kratkiy obzor istorii i sovremennogo sostoyaniya Drevnikh Vostochnykh (Nekhalkidonskikh) Tserkvey [A brief overview of the history and current state of the Ancient Oriental (Non-Chalcedonian) Churches]. *Bogoslovskiy sbornik Tambovskoy dukhovnoy seminarii* [Theological Collection of Tambov Theological Seminary], 2023, no. 3 (24), pp. 118–129. (In Russian).

9. Tachmizyan N. K., Arevshatyan A. S. Nerses Shnorali [Nerses Shnorali]. *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Moscow, Tserkovno-nauchnyy Tsentr "Pravoslavnaya entsiklopediya" Publ., 2018, vol. 49, pp. 53–65. (In Russian).

10. Troitskiy I. E. Izlozhenie very Tserkvi Armyanskoy, nachertannoe Nersesom, katolikosom armyanskim, po trebovaniyu bogolyubivogo gosudarya grekov Manuila: istoriko-dogmaticheskoe issledovanie v svyazi s voprosom o vossoedinenii Armyanskoy Tserkvi s Pravoslavnoy [Exposition of the faith of the Armenian Church, written by Nerses, Catholicos of the Armenians, at the request of the God-Loving Sovereign of the Greeks Manuel: a historical-dogmatic study in connection with the question of the reunion of the Armenian Church with the Orthodox Church]. Saint Petersburg, F. G. Eleonskiy and A. I. Popovitskiy Typ. Publ., 1875, X, 340 p. (In Russian).

Received 19 March 2026.

Accepted for press 11 May 2026.